

УДК 811.161

В. С. Сидорец

**К ПРОБЛЕМЕ СОДЕРЖАНИЯ КЛЮЧЕВЫХ ПОНЯТИЙ
ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ**

Рассматриваются ключевые понятия функциональной грамматики: лингвистическая функция, функционализм, понятийная категория (понятийное поле) – функционально-семантическая категория (функционально-семантическое поле). Предлагается закрепить термины **понятийная категория – понятийное поле, функционально-семантическая категория – функционально-семантическое поле** за объектами, отличающимися объемом и характером составляющих. Обращается внимание на некоторые специфические черты понятийной и функционально-семантической категорий процессуальности.

Введение

То, что функционально-семантическое направление в языкознании обусловило появление и последующее применение в соответствующих исследованиях методов ономазиологии, когнитивистики, зародившейся в прикладной лингвистике, номинативной деривации и др., выдвигает, естественно, вопрос о самом понятии *функция языковой единицы*, поскольку функциональная грамматика ориентируется «на изучение и описание функций и закономерностей функционирования грамматических единиц во взаимодействии с элементами разных языковых уровней, участвующими в передаче смысла высказывания» [1, 15], а также предполагает возможность «синтеза двух направлений анализа – от форм к значению (от средств к функциям) и от значения к форме (от функций к средствам)» [1, 15]. Само понятие *функция* связано в нашем сознании с определенным рода динамизмом, обусловленным первичным значением латинского существительного *functio* (исполнение, свершение), производного от причастия *functus*, которое входит в систему форм глагола *fungor, functus sum, fungi* – осуществлять, выполнять, исполнять [2, 341].

Результаты исследования и их обсуждение

Сейчас сложно установить, кто из ученых впервые обратил внимание на понятие *функция* в лингвистическом аспекте. Попытки разобраться в этой проблеме предпринимались неоднократно. К числу последних можно отнести изложение истории вопроса, которому посвящена значительная часть первой главы монографии З. И. Резановой, отметившей, что в лингвистических исследованиях термин *функция* «синонимичен базовому термину системно-структурной модели описания языка – термину *отношение*» [3, 3]. У датских структуралистов эти термины используются как дублиеты. Однако, подчеркивает Резанова, «понятие *функция* гипонимично понятию *отношение*. Функция – это внешнесистемное отношение единиц: в пределах языкового уровня единицы связываются парадигматическими и синтагматическими отношениями, во внешней среде, которой является более высокий уровень иерархически организованной языковой системы, отношения элементов определяются как функция» [3, 3].

Резанова делает особый акцент на функционализме как одной «из методологических установок современной научной парадигмы» [3, 19] и критически оценивает известные положения Ю. С. Степанова о трех языковых функциях – номинации, предикации и локации [4, 122–142], Е. С. Кубряковой о трех установочно-познавательных принципах в процессе лингвистического познания – экспансионизме, антропоцентризме, экспланаторности [5, 5–13]. Она приводит также высказывания глоссемантиков, представителей Пражского лингвистического кружка и др., о понятиях *функция, функционализм*, стремится определить специфику, систему, иерархию и назначение различных языковых функций.

Содержательное и подробное освещение истории данного вопроса позволило автору монографии сделать заслуживающий внимания вывод о том, «что истолкование функций любого элемента системы возможно лишь в связи с осуществлением внешнего языкового отношения – коммуникативной функции» [3, 21], «что любая языковая функция реализуется как совокупность ее текстовых воплощений» [3, 35] и др. Пожалуй, наиболее убедительны в изложении З. И. Резановой те положения о лингвистической функции и функционализме, которые опираются на высказывания В. Г. Гака, Е. А. Земской, Л. Н. Мурзина и особенно А. В. Бондарко, который еще в начале 80-х достаточно четко обосновал следующее положение: «...функция языковой единицы

тракується нами, з одної сторони, як здатність до виконання певного призначення (в частині, як «звернутий» потенціал функціонування, обумовлюючий межі і правила самого процесу функціонування даної одиниці), а з іншої – як результат функціонування – реалізована, досягнута мета» [1, 20].

Вельми логічним представляється акцентування уваги А. В. Бондарко на взаємодії «грамматических категорій як систем з оточуючим середовищем» [1, 24], яке є суттєвим компонентом в сфері функціонування мовних одиниць. Виходячи з загальної теорії, що випливає з системних досліджень різних об'єктів дійсності, А. В. Бондарко зауважує, що «система як множина елементів з відносинами і зв'язками між ними, що утворюють певну цілісність, протистоїть середовищу, в взаємодії з яким система проявляє і створює всі свої властивості» [1, 24]. Якщо мати на увазі систему мови, то «середовище по відношенню до цієї або іншої мовної одиниці, категорії або групування як вихідної системи – це множина мовних (а також немовних) елементів, що беруть участь по відношенню до вихідної системи в її функції, в взаємодії з якими ця система виконує свою функцію» [1, 25]. В зв'язку з цим середовище ділиться на два типи – парадигматический і синтагматический. Перший тип – це взаємодія певної мовної одиниці, категорії, групування в парадигматическій системі мови, другий тип – це взаємодія їх в мові (контексті, мовній ситуації) [1, 25].

Звичайно, функціонування мовних одиниць відбувається в мікросереді (висловлюванні) і макросереді (цілісному контексті). Само функціонування – це «актуалізація і взаємодія в мові одиниць, класів і категорій даної мовної системи. Живий процес функціонування здійснюється в мові, однак *правила і типи функціонування мовних одиниць відносяться до системи і норми мови (історически і соціально обумовленої), до мовної структури, представляючи собою його активний динамічний компонент*» (курсив автора. – В. С.) [1, 23].

Крім власне мовної середовища взаємодії елементів, слід враховувати і їх взаємодію «з середовищем „зовнішнім“ – соціолінгвістическою і психолінгвістическою» [1, 25]. Отже, «грамматическі одиниці, класи і категорії як системи повинні вивчатися разом з тим середовищем, яке їх оточує і з яким вони взаємодіють» [1, 26]. Все це в сукупності «представляє собою найважливіший інтегративний фактор формування функціонально-семантичних полів» [1, 26].

Цілісним завданням є вивчення поставленої проблеми з точки зору ментальної лінгвістики і особливо тієї частини, яка є об'єктом дослідження і має когнітивну функцію мови – «її роль в забезпеченні мисльового процесу» [6, 8], «мисльової діяльності» [7, 21], в здійсненні людиною концептуалізації і категоризації світу [8, 226]. В результаті мовної когніції об'єктивно-суб'єктивного світу в свідомості людини з урахуванням її інтелектуальних здатностей, її життєвого досвіду закріплюються різні за обсягом і складністю ментальні структури, до яких належать понятійні категорії (понятійні поля).

Кожна понятійна категорія – це ментально відображена сукупність невербальних фактів, об'єднаних загальним смисловим стержнем – понятійним інваріантом. В мові така категорія виражена, як зауважує І. І. Мещанинов, системою лексических, морфологіческих і синтаксических значень [9, 15]. В конкретній мові понятійні категорії «реалізуються в формі функціонально-семантичних категорій, або полів» [10, 77]. Опис системи таких полів, як зауважує А. В. Бондарко, представляє сутність певного напрямку в науці про мову – функціональної граматики [11, 32]. При цьому функціональна граматика ніяким чином не претендує на об'єкти дослідження традиційної граматики – граматическі категорії, які є історически виробленими мовними формулами, в яких понятійні категорії отримали стандартне вираження.

Не кожна понятійна категорія може знайти завершене, граматическе оформлення. Так, понятійна категорія певності-непевності в сфері імен іменних слів має граматическі стандарти в ряду мов – певний і непевний артикли, але не має їх в східнослов'янських мовах. У східних слов'ян граматически представлена понятійна категорія межності дії, але її немає на граматическому рівні в германських мовах. Звичайно, відсутність спеціалізованих граматических засобів для вираження цієї або іншої понятійної категорії компенсується застосуванням різнорівневих неспеціалізованих засобів, що є важливим об'єктом функціональної граматики,

которая не порывает с системно-структурным аспектом грамматического строя языка, а разрабатывает его в особом направлении – не по отдельным уровням и аспектам, а на базе описания структуры семантико-функциональных единств, охватывающих взаимодействующие элементы разных уровней системы языка [11, 16]. Обращаясь к истокам функциональной грамматики в России, А. В. Бондарко акцентирует внимание на том, что функционально-грамматические приемы описания языковых фактов имеют в отечественном языкознании значительную традицию. В книге «Грамматическое значение и смысл» он апеллирует к трудам А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртене, Ф. Ф. Фортунатова, А. М. Пешковского, Л. В. Щербы, И. И. Мещанинова, В. В. Виноградова, выделяя в них то, что относится к сфере функционально-грамматических исследований [12]. Подчеркивая «полевой» характер построения функциональной грамматики, А. В. Бондарко дает описание и общую характеристику системы функционально-семантических полей [11, 40–47].

Определяя функционально-семантическое поле как «двухстороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне» [11, 40], А. В. Бондарко выделяет группировку полей с акциональным (предикативным) ядром (в нашей терминологии такая группировка называется *функционально-семантической категорией процессуальности*), группировку полей с предметным (субъектно-объектным) ядром, группировку полей с качественно-количественным (преимущественно атрибутивным) ядром, группировку полей с обстоятельственным ядром [11, 42].

А. В. Бондарко указывает на «различия между полями в зависимости от степени их грамматической центрированности, от морфологического, синтаксического, лексико-грамматического или смешанного характера центра поля, от моноцентричности / полицентричности и других структурных признаков» [11, 44]. К числу моноцентрических относятся поля, которые формируются на базе грамматических категорий. Так, в основе моноцентрического поля темпоральности лежит грамматическая категория времени, поля залоговости – грамматическая категория залога и т. д. Поле количества является полицентрическим, поскольку «опирается не только на грамматическую категорию числа, но и на грамматический класс числительных, количественно-именные сочетания и т. д.» [11, 43]. Такими же будут поля качественности, посессивности и др.

Исследование различных полей, «опирающихся на грамматические единицы и категории, включает анализ функционирования грамматических форм и категорий. В центре внимания при таком анализе оказывается соотношение грамматической единицы и *контекста*» (курсив наш. – В. С.) [11, 45].

Грамматические средства (единицы и конструкции) в органичном взаимодействии с лексикой, словообразованием (шире – с номинативной деривацией) реализуют в тексте множество смыслов. При этом, как подчеркивает А. В. Бондарко, «в основу описания ФСП в направлении от семантики к формальным средствам ее выражения кладутся ... не все вообще, не любые смыслы, которые можно извлечь из высказываний в данном языке, а лишь категориальные смыслы, т. е. те, которые находят воплощение в значениях грамматических форм и категорий, в служебных (т. е. грамматических) словах, в специальных типах синтаксических конструкций или в значениях лексико-грамматических разрядов» [11, 52].

Категориальные смыслы, составляющие функционально-семантические поля, естественным образом связаны с номинативной деривацией, порождающей для реализации этих смыслов различные по степени сложности номинации на основе ономаσιологической формулы, включающей понятие ономаσιологического базиса и понятие ономаσιологического признака, или, выражаясь словами В. М. Никитевича, формулы номемы (СС + КС) [13, 32]. Появляющиеся номинации включаются в номинативные структуры (номинативные ряды, типовые деривационные группы, деривационно расширенные словообразовательные гнезда и др.), которые составляют номинативные классы, т. е. группировки различных по характеру и объему структуры номинаций, возглавляемых частями речи. В этом отношении имеется много общего в понятиях *функционально-семантическое поле* и *номинативный класс*: группировка полей с предметным (субъектно-объектным) ядром и номинативный класс субстантива, группировка полей с акциональным (предикативным) ядром и номинативный класс, возглавляемый глаголом, и др.

Комплексные структуры типа *номинативный ряд* – своеобразные участки группировки полей или номинативных классов. Исследование этих комплексных структур – важная часть изучения как номинативных классов и функционально-семантических группировок полей вообще, так и отдельного поля в частности.

В связи с тем что в сфере функциональной грамматики используются термины *понятийная (семантическая) категория, понятийное поле, функционально-семантическая категория, функционально-семантическое поле*, считаем целесообразным внести некоторые уточнения в употребление этих терминов. За совокупностью разноструктурных языковых элементов, ядром которых является лексико-грамматическая категория (часть речи), закрепить название *функционально-семантическая категория*, а то, что ее породило, – *понятийная категория*. Данные категории имеют фундаментальный характер. За теми же структурами, через которые они реализуются, закрепить названия *функционально-семантическое поле* и *понятийное поле*.

Не отрицая в принципе полевой подход в сфере функциональной грамматики, В. С. Храковский подчеркивает, что «исходными рабочими понятиями функциональной грамматики должны быть понятие минимального семантического признака (кратность, цикличность и т. п.) и понятие семантической зоны данного семантического признака [14, 76]. Только при достаточно основательном изучении как семантики, так и средств выражения этих признаков, «можно и нужно ставить вопрос об объединении семантических признаков в функционально-семантическом поле. Пока же проблема формирования функционально-семантического поля ясна не во всех деталях» [14, 76].

Полагаем, что в настоящее время функционально-грамматические изыскания вполне могут вестись как с позиций функционально-семантического поля, так и с учетом минимального семантического признака в зависимости от характера изучаемого объекта. Анализируя определенный языковой факт с точки зрения минимального семантического признака, мы пытаемся установить его «внутреннюю форму», его изолированный семантический микромир. Если же нам нужно выяснить лексико-грамматическую природу этого факта, его функционально-речевые свойства, статус в языке, совершенно необходим выход на семантическую зону данного семантического признака (в нашем случае – зона типовой деривационной группы, зона расширенного словообразовательного гнезда и др.), на понятие функционально-семантического поля (функционально-семантической категории).

Хотя функционально-семантическая категория есть порождение понятийной категории, она в известной степени автономна по отношению к понятийной категории, развивается по своим законам в плане выражения и содержания. Функционально-семантические категории, как известно, различны по объему. Более емкие, фундаментальные категории могут состоять из менее емких – подкатегорий (или полей). Естественно, первые представляют расширенную совокупность однородных значений, вторые – суженную. Следовательно, существует иерархия категорий.

Одной из ведущих фундаментальных категорий является функционально-семантическая категория процессуальности, система разноуровневых элементов которой (глаголов, вербоидов, глагольных словосочетаний) объединяется понятийным инвариантом, выражающим действие в широком, абстрактно-грамматическом смысле слова. Этот инвариант – результат преломления сложившегося в сознании человека инварианта процесса (состояния), объединяющего, в свою очередь, те невербальные факты отраженной действительности, которые представляют понятийную категорию процессуальности.

В определенном, чисто теоретическом смысле закономерен вопрос: где завершается понятийная категория процессуальности и начинается сфера действия категории функционально-семантической. Завершение первой и переход ко второй происходит тогда, когда осуществляется отбор и наименование процессуальных фактов, что является объектом ономазиологии, которая в значительной степени определяет сущность функционально-семантических исследований, так как «изучение тех или иных языковых явлений в ономазиологическом плане означает, что в центре внимания находится вопрос о том, как связаны эти явления с обозначением окружающей действительности, с выбором и созданием названий для отдельных ее фрагментов. Ономазиологический подход означает также изучение номинативных функций самих анализируемых единиц, т. е. их непосредственной роли в процессах номинации» [15, 5]. Ономазиологический аспект позволяет заметить, в чем проявляется автономия, относительная самостоятельность понятийной и функционально-семантической категорий. Кстати, «одним

из существенных проявлений относительной самостоятельности языкового и мыслительного содержания является возможность реализации одного и того же мыслительного содержания в разных высказываниях, отличающихся друг от друга с точки зрения языкового содержания» [11, 66], поэтому естественно, что «мыслительное содержание в своих фундаментальных категориях ... универсально, тогда как языковое содержание наряду с универсальными элементами (которые, так или иначе, отражают мыслительную основу языкового содержания) заключают в себе существенные неуниверсальные элементы» [11, 69].

Выводы

Итак, понятия *лингвистическая функция, функционализм, понятийная категория (поле) + функционально-семантическая категория (поле)* актуальны, фундаментальны в современной лингвистической науке, поскольку отражают сущностный реальный факт – язык в динамике. В своей основе эти понятия не имеют принципиальных различий в многочисленных работах по функциональной лингвистике, а фактически взаимодополняют друг друга. Так, например, понятие *группировка полей с акциональным (предкативным) ядром* [ГПАЯ] у А. В. Бондарко весьма близко к понятию *номинативный класс глагола* [НКГ] у В. М. Никитевича и А. В. Никитевича, а также к нашему понятию (В. С.) – *функционально-семантическая категория процессуальности* [ФСКП]. Некоторые различия могут иметь место в структурировании сегментов данного или других лингвистических объектов, в отмеченном случае ГПАЯ (НКГ, ФСКП). Однако наличие таких различий способствует более аргументированному и глубокому познанию сущности самого объекта.

Литература

1. Бондарко, А. В. К теории функциональной грамматики / А. В. Бондарко // Проблемы функциональной грамматики. – М. : Наука, 1985. – С. 16–29.
2. Латинско-русский словарь / авт.-сост. И. Х. Дворецкий. – М. : Русский язык, 1986. – 840 с.
3. Резанова, З. И. Функциональный аспект словообразования. Русское производное имя / З. И. Резанова. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1996. – 219 с.
4. Степанов, Ю. С. Основы общего языкознания / Ю. С. Степанов. – М. : Просвещение, 1975. – 271 с.
5. Кубрякова, Е. С. Парадигма падежного значения в лингвистике и ее современный статус / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Сер. лит. и языка. – 1994. – Т. 53. – № 2. – С. 5–13
6. Слюсарева, Н. А. Функциональная грамматика и когнитивность морфологии / Н. А. Слюсарева // Проблемы функциональной грамматики. – М. : Наука, 1985. – С. 56–65.
7. Селиванова, Е. А. Когнитивная ономазиология / Е. А. Селиванова. – Киев : Фитосоцицентр, 2000. – 248 с.
8. Вежбицка, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицка. – М. : Русские словари, 1997. – 411 с.
9. Мещанинов, И. И. Понятийные категории в языке / И. И. Мещанинов // Труды Военного института иностранных языков. – 1945. – № 1. – С. 3–15.
10. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса / М. В. Всеволодова. – М. : МГУ, 2000. – 504 с.
11. Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1983. – 208 с.
12. Бондарко, А. В. Грамматическое значение и смысл / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1978. – 175 с.
13. Никитевич, В. М. Основы номинативной деривации / В. М. Никитевич. – Минск : Выш. шк., 1985. – 157 с.
14. Храковский, В. С. Типы грамматических описаний и некоторые особенности функциональной грамматики / В. С. Храковский // Проблемы функциональной грамматики. – М. : Наука, 1985. – С. 65–77
15. Кубрякова, Е. С. Части речи в ономазиологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1978. – 115 с.

Summary

The key notions of the functional grammar are considered: the linguistic function, functionalism, conceptual category (conceptual field) – functional-semantic category (functional-semantic field). It is proposed to allot the terms *conceptual category – conceptual field, functional-semantic category – functional-semantic field* to the objects, which differ from each other on their scope and character of the components.

Attention is given to some specific features of the conceptual and functional-semantic categories processuality.

Поступила в редакцию 02.03.09.